

2.2.3. Попятные движения Хрущева

Последовавшие в октябре 1956 г. кризис в Польше и открытое восстание в Венгрии вызвали противоречивые отклики в стране и заставили советское руководство сплотиться для принятия решительных мер для предотвращения развала Варшавского военно-политического блока. Пришлось применять силу в Венгрии.

Однако реакция части населения на эту акцию оказалась довольно острой. По ленинградским вузам распространялось размножаемое от руки стихотворение студентки Горного института Л. Гладкой: «Там честная кровь заливает асфальт, там русское “стой!”, как немецкое “хальт!”»{778}.

Признавая в своей справке, что отдельные «факты политически нездоровых и враждебных высказываний» имели место, В. Чураев посчитал необходимым отметить, что некоторые «юноши и девушки, главным образом из числа учащихся и студенческой молодежи, оказались в плену враждебной пропаганды, допускают антисоветские действия». Так, 7 ноября в Ярославле ученик 10-го класса средней школы № 55 Виталий Лазарянц, проходя в рядах праздничной демонстрации перед трибуной, на которой стояло местное начальство, развернул огромный плакат: «Требуем вывода советских войск из Венгрии!». Его, естественно, сразу же арестовали. Хотя у чекистов и были подозрения, что тут не обошлось без участия других лиц, Лазарянц упорно утверждал, что «лозунг написал сам без чьих-либо побуждений со стороны для того, чтобы проверить, есть ли у нас демократия или нет»{779}.

Академик физик Л.Д. Ландау, беседуя о венгерских событиях, вышел из себя, когда его оппонент стал ссылаться на разъяснения руководителей партии и правительства:

– Ну как можно верить этому? Кому, палачам верить? Палачи же, гнусные палачи!

А отвечая на реплику, что вот-де, если бы Ленин поднялся из гроба, «у него волосы бы встали дыбом», пренебрежительно заметил:

– У Ленина тоже рыльце в пуху. Вспомните Кронштадтское восстание. Грязная история{780}.

⁵ В беседе с Хрущевым в августе 1956 г. секретарь ЦК ИКП Д. Пайетта, соглашаясь с решимостью КПСС «коренным образом исправить недостатки, вытекающие из культа личности», вместе с тем высказал мнение, что «объявление новых фактов в этом отношении явилось бы излишним». Хрущев же, попросив «не обижаться», ответил: «Любопытно, что и Черчилль во время нашего пребывания в Англии советовал нам то же самое. Он говорил: «Нужно дать народу время переварить то, что вы сообщили, иначе это обернется против вас». Я думаю, это искренний совет. Старая лиса Черчилль боится, что если в результате наших неумных действий мы будем отстранены от руководства страной, то к власти придет правительство, которое возвратится к сталинским методам резкой нетерпимости. Я сказал Черчиллю: «Мы это учтем»,» (Н.С. Хрущев: «У Сталина были моменты просветления». Запись беседы с делегацией Итальянской компартии // Источник. 1994. № 2. С. 82-83).

Не все нормально было с политической температурой и у гегемона. В цехе № 8 Омского завода им. Ворошилова мастер отдела технического контроля Ситников, чуть ранее злорадно замечавший в кругу рабочих, что «в Венгрии наелись социализма» и потому «поворачивают к капитализму», теперь, выражая недовольство плохим снабжением спецодеждой и заготовками, говорил:

– Если сделать забастовку, то все нам будет, в том числе и порядок, и рукавицы, и валенки, и детали, и воровать не будут.

Схожие соображения высказывал и рабочий Сталинградского завода № 221 Кныш, «имеющий родственников в США»:

– Я считаю, что венгры делают правильно, что бастуют. Они не хотят нашего строя, им не нравятся колхозы и социализм. По-видимому, они хотят жить на большую ногу. И правильно делают, чтобы у них народ был свободен. Не то, что у нас: все запуганы... Если кто скажет, то его сразу уберут {781}.

Всего, согласно полученным нами данным, положительно к советской акции в Венгрии отнеслись 12% опрошенных в 1997 г., 33% опрошенных в 1998 г. и 41% опрошенных в 1999 г.

«Зря что ли за них кровь проливали?» – спрашивал машинист с Октябрьской железной дороги И.П. Стрельченко. «Мы заплатили кровью за Венгрию в 1945 г., – рассуждала медсестра из железнодорожной больницы в Коломне Т.Ф. Ремезова. – С какой стати ее надо отдавать американцам, под их влияние?». Продолжением войны против фашизма и империализма считала эту акцию заведующая отделом кадров Лучского поссовета в Чеховском районе Н.П. Шумова. Необходимой считала нашу помощь защитникам власти рабочих и крестьян в Венгрии учительница из Мытищ А.В. Кочеткова. «Поставить на место всех этих Имре Надей» полагал необходимым студент Рязанского радиотехнического института В.В. Карпецкий, разглядывая фотографии убитых венгерских коммунистов. «Там же массово убивали коммунистов!» – возмущалась продавщица В.С. Одинокина, муж которой был членом КПСС. У инженера Московского нефтеперерабатывающего завода в Капотне А.С. Шуровой сложилось впечатление, что там пытались прорваться к власти чуть ли не уголовные элементы, «а мы спасали Венгрию от кучки бандитов». Считала, что из венгров «еще не выветрился фашистский дух», научная сотрудница ВНИИ экономики сельского хозяйства В.Ф. Полянская, во время войны находившаяся в воинских частях, сражавшихся против венгерской армии как союзника немцев. «Венгры – плохой народ, – утверждала доярка М.С. Прилепо из деревни Струженка в Суражском районе Брянской области. – Они нас плохо встречали, когда мы их освобождали». О том, что венгры «настроены очень враждебно», слышала от своего мужа-офицера, побывавшего в Венгрии, и домохозяйка Е.В. Ципенко из города Хмельницк в Винницкой области {782}.

Верили тому, что говорили по радио и писали в газетах, Т.П. Михайлова и Т.И. Калиничева из подмосковного Косино. Судили так, как информировали СМИ, еще несколько опрошенных. Поверила официальным объяснениям работница Томилинской птицефабрики А.М. Васильева. «Исходило это от руководства страны, а значит было правильным», – объясняла работница завода «Серп и молот» Н.М. Нартова. «Мы в то время верили правительству, – разъясняла учительница из подмосковного поселка Дзержинский Н.С. Мартынова, – и что бы ни было сделано им, считали правильным». «Полагалась на решения правительства» рабочая-укладчица НИИ железобетона Н.С. Лукашкина {783}.

Как «начало гражданской войны, инспирированной извне», рассматривал восстание в Венгрии офицер В.Я. Самойлов из ближнего Подмосковья. Решительное его подавление силами советских войск, по его мнению, было целиком оправданным {784}.

Продавщице из Фирсановки Н.В. Овсянниковой было известно о том, что в Венгрии произошло «буржуазное восстание» и что «наши войска защитили власть венгерского народа». «Надо освободить Венгрию от тех сил, которые хотят увести ее от нас», – считала медсестра в детских яслях при заводе «Красный пролетарий» Е.В. Федулеева. Считала необходимым защищать интересы СССР учительница Аксеновской школы в Раменском районе Л.А. Змитрук {785}.

Неодобрительно к венгерской акции советского руководства отнеслись соответственно 25,15 и более 23% опрошенных.

«Народ отнесся отрицательно, – вспоминает мидовский шофер Г.В. Алексеев. – Люди

кричали: «Мы погубили славу отцов!»». Очень был возмущен П. Паулацкас, хирург из Каунаса. Возмущена была и Р.И. Идашкина, администратор Москонцерта, расценившая этот шаг как насильственное восстановление свергнутого народом режима. Как «настоящий захват, бесцеремонное вторжение» расценила советское военное вмешательство в венгерские дела лаборантка завода «Электросталь» Л.И. Есипова. «Каждая страна должна жить своею жизнью», – соглашалась с нею учительница Монасеинской сельской школы в Лотошинском районе М.Ф. Журавлева. «Снова диктат, а зачем?» – недоумевал военный инженер из Красноярска-26 П.А. Писарев, «Зачем навязывать другим советскую власть?» – спрашивала сама себя, но свои суждения держала при себе учительница Власовской школы в Раменском районе А.Ф. Алифанова. «Карателями» посчитал руководителей КПСС В.М. Доронкин, мастер на строительстве ТЭЦ-22 в Москве: «Так поступать с любой страной и ее народом нельзя!», «Нельзя советским оружием подавлять народное движение», – считал работник Наро-Фоминского шелкового комбината В.С. Данилович. «Черной страницей нашей истории» называет эту акцию инженер НИИ «Комета» Э.А. Шкурычев {786}.

Полагала, что «и без нас могли бы разобраться», заведующая отделом кадров треста «Ефремовстрой» Р.П. Пономарева. «В чужой монастырь со своим уставом не суются», – ссылаясь на поговорку рабочий трамвайного депо им. Баумана В.А. Васильев. Олимпийского чемпиона 1956 г. Н.П. Симоняна поразило, что знаменитый венгерский футболист Пушкаш осудил советскую интервенцию и эмигрировал. «Все вопросы надо решать мирным путем», – полагали сибирский тракторист С.Ф. Пономарев и проходивший срочную военную службу в Киевском военном округе Н.А. Куликов. «Не следует прибегать к силовым методам», – думал В.М. Михайлов из подмосковной Тайнинской. «С позиции силы – это не решение», – соглашалась с ними П.П. Хлопцева, медсестра Бабушкинского райздравицы. «Можно было обойтись без войск», – была убеждена озеленитель ВСХВ М.П. Кленшова. «Можно как-то по-другому все решить», – думал врач-терапевт из Загорска-6 В.В. Макаров. «Зря людей губим», – думала врач из Алма-Аты Н.В. Кузьменко. «Не хотел новой войны» слесарь предприятия п/я 577 в Химках А.В. Ашурков. Не могла одобрить действия правительства, но и говорить об этом не решалась учительница из Косино Г.К. Пятикрестовская {787}.

Настороженно, двояко, недоумевали, сомневались в необходимости такого шага, опасались его последствий еще соответственно 2,7 и 5% опрошенных. «Всякое вмешательство в чужие дела настораживало» учительницу М.М. Крылову из деревни Ключевая в Калининской области. В связи с отсутствием полной информации не было уверенности в правильности действия руководства у А.П. Краснова и Н.Б. Косяк (жены военнослужащего, остров Попова около Владивостока). Мало что было известно и Л.И. Гончаровой из подмосковного Косино, но «все это очень тревожило» ее. Боялась, что «начнется война» и испытывала «страх за детей» А.М. Винокурова, строитель из тульской деревни Бряньково. «Не понимала зачем, но если партия решила, значит надо», – рассуждала экономист с Московского радиозавода «Темп» В.И. Соболев. Думала, «как там мирные жители», учительница О.А. Журавлева из Загорска-6. {788}

Безразличными остались соответственно 10, 9, 5 и свыше 3% опрошенных.

Затруднились с ответом соответственно 2,4 и 4% опрошенных. Было неизвестно или не обратили внимание соответственно 5, 12 и более 7% опрошенных. Не помнят соответственно 17, 8,5 и более 7% опрошенных. Нет ответа или он не поддается толкованию у соответственно 7,9 и почти 9% опрошенных.

Мотивы, приводимые респондентами в обоснование своих ответов, показывают, что отношение к событиям в Венгрии осенью 1956 г. разделяло советских граждан на тех, кто продолжал оставаться на интернационалистских, а также имперских или конформистских позициях, и тех, кто сочувствовал венграм, исходя из либеральных и демократических ценностей. Этим последним было почти в два раза меньше первых, но кое-кто из них от выражения протеста в собственном окружении переходил к прямой пропаганде и агитации.

О ярославском школьнике Лазарянце выше уже упоминалось. В ночь на 7 ноября в Барнауле возле здания крайкома партии обнаружили 10 написанных от руки под копирку листовок: «Граждане! Друзья! Настало время действовать! Долой ЦК КПСС, который за 39 лет своего руководства привел народы России к полной нищете! Смерть угнетателям – подлым вымогателям! За счастье народов России против озверевшего ЦК КПСС! Создавайте

организации СОНР! Прочитайте, передайте другу». И подпись: «СОНР», вероятнее всего, расшифровываемая как «Союз освобождения народов России»{789}.

Такую же и подобную ей информацию «о наиболее значительных происшествиях и антисоветских проявлениях, имевших место на территории Советского Союза накануне и в дни празднования 39-й годовщины Великой Октябрьской революции», прислали в ЦК и чекисты. Согласно ей, 4 ноября в Херсоне, в городском парке «неизвестными лицами разбиты две скульптуры И.В. Сталина». 6 ноября во время торжественного собрания в литовском колхозе «Свободная дорога» выстрелом через окно убит председатель колхоза А.А. Мазуронис. 7 ноября в Севастополе обнаружены 14 изрезанных портретов руководителей партии и правительства на здании хлебозавода. 8 ноября работник треста «Тулашахтострой» С.Т. Воронов бритвой порезал портрет Хрущева, висевший на фасаде здания военной базы № 45 в Серпухове. Всего же в эти дни на территории СССР «было распространено враждебными элементами, а также сброшено с помощью воздушных шаров из-за границы около 1000 антисоветских листовок». Не так уж много, учитывая масштабы территории и численность населения. И все же... Помимо Барнаула, наибольшее количество листовок обнаружили в Ленинграде, Запорожье и Риге.

А вот в Москве было отмечено лишь 6 случаев распространения листовок. Все они, конечно, были изъяты, после чего были «приняты меры к розыску их авторов и распространителей»{790}. Среди них, как позже выяснилось, были два школьника, двоюродные братья – 13-летний Валера Бушуев и 12-летний Сережа Казаков. Назвавшись «Организацией освобождения России», они писали и расклеивали в районе метро «Электrozаводская» рукописные листовки с призывами: «Да здравствует Венгрия! Долой Хрущева! Смерть коммунистам!»{791}.

В Ленинграде арестовали 9 человек во главе со студентами Педагогического института иностранных языков Александром Голиковым и Борисом Пустынцевым. Написанные ими листовки с призывом: «Поддерживайте венгерских повстанцев! Требуйте вывода советских войск из Венгрии!» распространялись не только в Инязе, но и на историческом факультете Университета, в институте им. Герцена, разбрасывались в кинотеатре «Октябрьский»{792}.

Нередки в ту осень были и разговоры о необходимости объединения несогласных. В Московском историко-архивном институте, например, группа из трех-четырёх человек решила, было, приступить к созданию социал-демократической партии. Но дальше разговоров (чаще всего за бутылкой водки) о необходимости разработать программу и устав дело не пошло. Как вспоминал позже Григорий Померанц, также испытавший тогда «жгучий стыд перед венграми», естественное, казалось бы, «чувство протеста было подавлено сознанием беспомощности, и все вылилось в звоне рюмок». Пепел стучал в сердце, но сделать ничего нельзя было. Только пить. И потому: «Ой-ли, так-ли, дуй-ли, вей-ли, – все равно. Ангел Мэри, пей коктейли, дуй вино!»{793}

А вот аспирант и секретарь комитета ВЛКСМ на историческом факультете Московского университета Лев Краснопевцев и два его бывших сокурсника Владимир Меньшиков и Леонид Рендель именно в ноябре 1956 г. интенсифицировали поиск возможных единомышленников среди своих близких знакомых и к весне следующего года склонили на свою сторону еще не менее трех человек{794}. Студент Ленинградского педагогического института им. Герцена Виктор Трофимов составил проекты программы и устава «Союза коммунистов». Целями организации, которой он дал такое название, выдвигались: создание рабочих советов на предприятиях, вывод советских войск из других стран, усиление контактов с Западом и сближение с Социалистическим Интернационалом, многопартийность или разрешение оппозиционных фракций, допущение элементов частной собственности в хозяйстве. Основное средство достижения этих целей виделось в мирной пропаганде, а в случае ее невозможности – признавалось необходимым призвать к вооруженному свержению существующего строя{795}.

Люди, не склонные к антиправительственным манифестациям (а таковых всегда было больше, в те же времена особенно), но не согласные с тем, что делают власти предержавшие, пытались как-то осмыслить зигзаги в политике наследников Сталина. Биолог А.А. Любишев, например, написал и положил до лучших времен в стол рукопись, в которой, осуждая интервенцию в Венгрии, среди главных причин происшедшей там революции называл не

только реакцию на сталинский деспотизм и олигархическое вырождение, но и секретный доклад Хрущева на XX съезде КПСС: «Он сделал гораздо больше, чем все пропагандистские речи “Голоса Америки” и “Свободы”»{796}.

Та же причина, но с противоположной оценкой, называлась и в письме, подписанном «Оргбюро Союза ордена Ленина», адресованном членам Президиума ЦК КПСС и присланном по почте в партком Магнитогорского металлургического комбината и Челябинский обком: «Вульгарной постановкой вопроса о культе личности вы сами срубили тот сук, на котором сидели. Нужно ли было этот вопрос раздувать до мировых масштабов и переносить на почву рабочих и коммунистических партий стран народной демократии, положение которых было не очень прочным? Вы окончательно подорвали их авторитет среди народов, подорвали международный престиж СССР., на десятки лет вооружили реакцию сильнейшим средством борьбы с марксизмом. Похоронный гимн по демократическому лагерю пропет, похоронить его – дело времени. События в Польше, Венгрии, Египте показывают, была ли на самом деле международная разрядка. Не есть ли это плод вашей капитулянтской политики перед империализмом? Скорее всего, что да». В конце своего письма его авторы, «озабоченные судьбами марксизма-ленинизма», объявляли, что «решили создать свою организацию, чтобы иметь возможность защищать революционный марксизм», и выражали желание, чтобы Президиум ЦК рассмотрел их «просьбу о легальном существовании»{797}.

Харьковский пенсионер Александр Пашков, бывший членом партии в 1919-1921 гг., то есть в эпоху «военного коммунизма», в своем письме в газету «Правда», сетуя на то, что польская печать, а также Тито и Тольятти не одобряют последнюю советскую акцию в Венгрии, разъярялся: «И все из-за чего? Из-за болтовни, развязанной на XX съезде партии о грязных делах Сталина. Ума не хватило сделать потише, вынесли такую пакость на весь мир». В необходимости военной интервенции в Венгрию он вовсе не сомневается. Мало того, по его твердому убеждению, еще в мае 1945 года следовало бы оккупировать не только Восточную, но и всю Западную Европу! Но если разоблачение культа личности не одобряется им из соображений сугубо практических и даже циничных, а внешнюю политику он желал бы видеть более решительной и последовательной с точки зрения имперской, которую сам он называет «народной, советской», то положение в партии и советах Пашков оценивает, исходя из совсем других критериев. Ему не нравится, что подавляющее большинство в КПСС состоит из «проныр, карьеристов, подхалимов, попутчиков, не говоря уже о настоящих негодях и даже преступных элементах». И это, по его мнению, не случайно. Иначе и быть не может в условиях однопартийной системы, «при отсутствии демократии в стране». А для того чтобы изжить это негативное явление, необходимо дать свободу печати; не допускать монополии партии на все места в государственном и хозяйственном аппарате; заменить профсоюзы комитетами рабочего самоуправления и, наконец, «возродить власть советов», депутаты которых будут выбираться из нескольких кандидатов{798}. «Правда», естественно, не опубликовала это письмо, но в ЦК КПСС на всякий случай переправила. Там его, судя по пометкам, внимательно читали и изучали. Но не предложения о демократизации системы, а аргументы против чрезмерной «болтовни» и чересчур частых явлений первого лица к народу.

Ведь именно такой прагматичной позиции придерживались соратники и оппоненты Хрущева в высшем партийном руководстве. Да и сам он, судя по всему, все больше и больше разделял их серьезную обеспокоенность ситуацией, складывающейся не только в странах-сателлитах, но и внутри СССР. Но когда ему казалось, что нажим просталинских сил в его окружении становится чрезмерным, он не упускал случая показать им, на чьей стороне действительные настроения и чаяния людей. Так, 26 ноября по его поручению членам и кандидатам в члены Президиума ЦК «для ознакомления» было разослано письмо, полученное в ЦК 14 ноября, автор которого учительница М. Николаева спрашивала его: «Когда же, наконец, воздадут должный почет великому Ильичу и не будут ставить его на одну ступень с преступником, который не только уничтожил тех, кто делал революцию, но и убивал в людях честность, бескорыстие и веру в дело социализма»{799}.

И протесты против интервенции в Венгрию и обвинения в капитулянтстве раздавались на фоне глухого ропота, доносившегося до Старой площади и Кремля из самой толщи народных низов, по-прежнему прозябавших в нищете и забвении, а теперь еще и лишенных предмета

священного преклонения. То здесь, то там раздавались требования к властям накормить, одеть, обуть и дать крышу над головой.

14 ноября 1956 г. не вышли на работу 14 сучкорезов на одном из участков Шенкурского леспромхоза в Архангельской области, так как им не начислили зарплату. За несколько дней до этого не работали все 163 рабочих соседнего лесопункта, в том числе 10 коммунистов и 22 комсомольца – все они ловили четырех хулиганов, которые по пьянке сожгли общежитие и убили одного их товарища; двое из них были пойманы и избиты до смерти, двум другим посчастливилось сдать властям. Комиссия, прибывшая из центра для разбора этого ЧП, вынуждена была констатировать: «Во многих общежитиях холодно и грязно, нет мебели, хлеб продается с переборами, отсутствует чай, жиры, сахар, недостаточно дешевых папирос и махорки, нет никаких кондитерских изделий, хлопчатобумажных брюк и костюмов, детской обуви, часто отсутствует керосин. О торговле книгами и речи нет. Столовые не на всех участках, в них почти не готовят овощных блюд, молока, а стоимость питания высокая. Два участка не имеют электричества и радио»{800}.

Первый секретарь ЦК ВЛКСМ Александр Шелепин переправляет в ЦК КПСС анонимное письмо, полученное им как депутатом Верховного Совета СССР из Коми АССР. Его автор спрашивал, почему «все хуже и хуже у нас, чем в любой капиталистической стране, жизнь человека». Что делать, если хлеб в магазинах бывает не всегда, сахар отсутствует по неделе и больше, а «несчастных круп – ячневых, овсянки и других – вот уже месяца два-три нет?». Правда, выдали на праздник по три килограмма муки и полкило сахара, но за ними пришлось простоять в очереди целый день. «Вот вам праздник октября! До революции целину не пахали, а хлеб досыта ели». Не соглашался автор и с содержащимся в докладе Сулова о 39-й годовщине октября утверждением, будто доход на душу населения у нас за это время увеличился в 19 раз: «Это чушь и на смех курам», ибо раньше «все магазины были забиты продуктами и промтоварами и по дешевой цене», доступной для любого, зарабатывающего от 50 копеек до 1 рубля в день. А теперь, мало того, что нечего купить, но и не на что, ибо цены возросли в 30-40 раз. «Разве мыслимо, когда человек зарабатывает на кило сахару за рабочий день?». Напомнив о событиях в восточной Германии, Польше и Венгрии, автор указывает: «Ведь это же не случайно народ терпеть не может. А тут терпим 39 лет». В заключение письма содержится настоятельная просьба «поставить вопрос перед кем полагается и дать народу немножко пожить, а не доводить нас до нитки, т. е. от слов перейти к делу»{801}.

Подчас такого рода просьбы и требования сопровождались недвусмысленными угрозами. В адрес Челябинского обкома поступило письмо из шахтерского города Копейска с просьбой: «Сообщите тов. Хрущеву и Булганину, чтобы отменили налог на скот и сняли займы на 50%. Если все это будет к 1 апреля 1957 г., то разгром Кремля, намечаемый на 1 мая 1957 г., отменяется»{802}.

Случалось, что критика верхов раздавалась вдруг в самых, казалось бы, неожиданных местах. На Владимирскую городскую комсомольскую конференцию 8-9 декабря 1956 г. пригласили члена партии с 35-летним стажем, бригадира моторного цеха тракторного завода Выставкина, который, вместо того чтобы рассказывать молодым людям о трудовых и боевых подвигах своего поколения, стал высказывать «провокационную мысль, что в Венгрии восстал рабочий класс и это может случиться и в Советском Союзе». Он «поставил под сомнение успехи и достижения, достигнутые рабочим классом и крестьянством в нашей стране», заявив:

– Об этом много говорят, пишут, что собрали много хлеба, хлопка, увеличилось производство продуктов животноводства. А с хлебом перебои, с чаем и папиросами перебои, почти не бывает в продаже сахара и мыла, плохо идет жилищное строительство, и рабочие живут в тяжелых условиях.

По его словам, плохое удовлетворение материальных нужд трудящихся объясняется тем, что вернувшиеся с фронта коммунисты нашли в тылу «кучу шлака», неполноценные кадры, которые «надо копать», так как они приучили и себя и народ работать по принципу «побольше тяни руку, поменьше критикуй, побольше соглашайся, что говорят свыше». В конце своей речи Выставкин, призвав изучать ленинское отношение к критике, освободиться от бюрократов и зажимщиков критики, сослался на изюшку в № 49 журнала «Огонек», истолковав ее следующим образом:

– В верхнем этаже находится ЦК, в среднем – обком партии, внизу – рабочие. ЦК начинает критиковать, и все кирпичи падают на головы рабочих. Обкомы пробуют критиковать верха, министерства, бросают туда камни, но они туда не долетают и снова падают на головы рабочих {803}.

Эти «недостойные нападки на партию и ЦК КПСС... возбудили у части делегатов нездоровые настроения». Выразить их с трибуны никто не осмелился, но «в кулуарах конференции имели место оживленные споры о положении в стране, причем делались резкие противопоставления “начальства” и рабочего класса». Пришлось спешно собирать партийную группу конференции и на ней принимать решение провести в делегациях соответствующую работу по разъяснению «антипартийной» сущности выступления ветерана. В результате после перерыва только один оратор поддержал Выставкина, кстати, рабочий того же тракторного завода. Остальные же заклеили его как провокатора. 12 декабря 1956 г. заводской партком постановил исключить его из партии {804}.

Недовольство рядовых коммунистов прорывалось и в ходе районных и городских партийных конференций, начавшихся в конце ноября и продолжившихся в декабре 1956 г. Отдел партийных органов ЦК КПСС по РСФСР вынужден был признать, что на многих из них «обращается внимание на острую нужду трудящихся в жилье, больницах, школах, детских садах и яслях и высказываются просьбы к ЦК КПСС и Совету Министров СССР увеличить ассигнования на жилищное и культурно-бытовое строительство». Приводились и «многочисленные факты пренебрежительного, бездушного отношения... к насущным нуждам и запросам трудящихся». Например, на Владыченской районной партконференции в Ярославской области делегат Беляков говорил:

– Мы искусственно создаем недовольство народа. Второй год в село Колодино не завозится керосин. За солью соседи ходят друг к другу со спичечной коробкой. До каких пор мы будем это терпеть? {805}.

Порой подобная критическая смелость перерастала допустимые рамки и выливалась в «нездоровые выступления», когда отдельные делегаты позволяли себе «клеветать на советский строй и политику партии, высказывать развязно демагогические и оскорбительные суждения в адрес руководителей партии и правительства» {806}. В Оханском районе Молотовской области с такого рода «демагогической речью» выступил партийный секретарь колхоза им. Сталина Бурдин. Жалуясь на то, что колхоз «стоит на глиняных ногах» и что колхозники не знают, как дальше жить, и бегут в город (если в 1914 году на территории нынешнего колхоза жило 3400 человек, то теперь – 808, а по району посевные площади сократились на 8000 гектаров), он вопрошал:

– Думают ли о колхозах и колхозниках обком и правительство? {807}

В Кировском районе Курска «со злобной клеветой» выступил заместитель заведующего экипировкой железнодорожного угольного склада Загорецкий. Он не только вопрошал:

– Известно ли облисполкому и обкому... что в области назревает большое недовольство масс? Почему оно назрело? Почему о нем говорят с трибуны?

Он еще и давал ответ на эти вопросы:

– Потому что мы зашли в тупик. Из года в год у нас работа не улучшается, а ухудшается в любых областях, куда ни кинемся.

Такая речь вызвала возмущение делегатов. Закончить говорить ему не дали, заставили сойти с трибуны, а последующие ораторы считали для себя непременно долгим осудить «клеветника». На второй день своей работы конференция единогласно лишила его мандата {808}.

И еще одну не очень-то приятную тенденцию отмечал Отдел партийных органов ЦК в своем отчете о ходе районных и городских партийных конференций. До сих пор неписаным правилом считалось отсутствие какой-либо конкуренции при выборах в партийный комитет. Это достигалось за счет того, что число выдвинутых кандидатов не должно было превышать установленного числа членов данного комитета. Теперь же на ряде конференций в списки для тайного голосования включалось больше кандидатур, чем количество членов избираемого комитета. И ничего не было удивительного в том, что «в этих случаях неизбранными подчас оказываются руководители партийных, советских и хозяйственных органов». Так, в Ядринском

районе Чувашской АССР на 65 мест было выдвинуто 69 кандидатов, и среди 4 неизбранных оказались председатель райпотребсоюза, то есть глава местной торговли, и первый секретарь райкома Иванов. Он набрал всего лишь 81 голос из 286. Если бы у него не было соперников в борьбе за голоса, он считался бы избранным и при таком и даже еще меньшем количестве голосов, а тут вот такой казус. В Угличском районе Ярославской области выдвинули 77 кандидатов на 75 мест. И забаллотированными оказались директор часового завода и первый секретарь райкома Соснин. В Багатовском районе Куйбышевской области точно также не избрали второго секретаря райкома и председателя райисполкома {809}.

На партийном Олимпе это было воспринято, как дурной знак: сегодня в районе и городе, завтра в области и республике, а послезавтра?.. И решено было дать задний ход во внутренней политике, выполов и выкорчевав появившиеся было первые ростки либерализма. 6 декабря в ЦК КПСС было созвано совещание с руководством Союза писателей СССР. Кандидат в члены Президиума и секретарь ЦК КПСС Д.Т. Шепилов резко осудил роман Дудинцева «Не хлебом единым», назвав его заключительную часть призывом к оружию, венгерским вариантом. Осудил он и линию журнала «Новый мир», в котором появился этот роман {810}. В то же время он «не поправил» первого секретаря союза А.А. Суркова, который пытался «опорочить» работников только созданного отдела науки, школ и культуры ЦК КПСС М.В. Колядича и А.В. Киселева, информировавших свое руководство о «создавшемся неблагополучии в литературе и искусстве», о том, что некоторые писатели изображают секретарей райкомов и даже обкомов как людей малокультурных, бюрократов, лживых, оторванных от жизни {811}. Выступая на этом совещании 10 декабря 1956 г., подверг критике главного редактора журнала «Новый мир» Константина Симонова. Ему вменялось в вину то, что он высказывался за пересмотр решений ЦК по идеологическим вопросам, принятых в достопамятном 1946 г., и, мало того, стал говорить вдруг о том, что теперь, мол, пришло время писать «только правду». Забывчивому литературному вельможе напомнили, что «абстрактной правды нет, так же как нет абстрактной демократии», что «в условиях классовой борьбы... могут быть разные правды». Но особо досталось тем не названным людям (их имена тогда у всех были на слуху), которые вдруг стали направо и налево разъяснять, ссылаясь при этом на Ленина, что вся беда, все зло – в бюрократизме, что «мало жилищ потому, что у нас бюрократическая система». Признав, что основатель партии и советского государства называл последнее социалистическим, но с бюрократическими извращениями, Пospelов призвал не терять из виду и другую сторону вопроса:

– Не надо забывать о том, что мы и сейчас, а не только в 1946-1949 гг., должны значительные средства тратить на оборону. Мы не можем об этом забывать ни на минуту, потому что враги наши не успокоились... Они мечтают о кризисе коммунизма. Они прямо и открыто пишут об этом {812}.

Из событий в Венгрии он призвал сделать такой вывод:

– Там, где ослабевает политическая идейная работа марксистской партии, – буржуазная националистическая идеология навязывается даже некоторым группам рабочего класса.

В связи с этим секретарь ЦК выразил свое несогласие с тем, что «товарищ Симонов, как я его понимаю, видит главное призвание советской литературы... в пафосе обличения, в острейшей критике последствий культа личности, а не в пафосе утверждения». Особенно не понравились ему следующие слова Симонова: «Когда надо, литература должна уметь поставить и банки, и горчичники, и дать рвотного при засорении желудка».

– Неужели вы всерьез, Константин Михайлович, думаете, – спросил Пospelов, – что главная задача нашей славной литературы заключается в том, чтобы накачивать советского читателя такими произведениями, которые бы вызывали рвоту, чувство безысходности? Как у вас язык повернулся сказать такую странную и двусмысленную фразу? {813}.

Осудив либеральную линию журнала «Новый мир» и лично его главного редактора, руководство ЦК КПСС в отношении романа Дудинцева решило занять гибкую позицию. Полгода спустя, на пленуме ЦК, Шепилов так о ней рассказывал: «Мы посоветовались на Секретариате и решили сделать как с Эренбургом, роман которого «Оттепель» некоторые пытались представить чуть ли не классическим и на счет которого поднялся шум. Посоветовавшись с тов. Хрущевым, мы издали роман 100-тысячным тиражом. Сразу покупать

перестали, все увидели что это дрянь. За границей кричали: «Дудинцева! Дудинцева!», а потом, когда издали, всякий у нас увидел, что это дрянная вещь. Роман был издан с общего мнения и указания Секретариата ЦК КПСС»{814}. Правда, когда заместитель заведующего отделом культуры ЦК КПСС Б.С. Рюриков позвонил первому секретарю ЦК ВЛКСМ А.Н. Шелепину и передал указание Шепилова напечатать эту книгу и в издательстве «Молодая гвардия», комсомольский вождь это указание не выполнил. Он и его товарищи считали эту книгу «паршивой и антисоветской»{815}.

19 декабря 1956 г. на места было разослано закрытое письмо ЦК КПСС «Об усилении политической работы парторганизаций в массах и пресечении вылазок антисоветских враждебных элементов». Как явствует из самого заглавия этого документа, «усиливать» были обязаны партийные организации. Ну, а кому надлежало пресекать? Понятное дело – КГБ.

Касясь этого документа, Хрущев говорил через несколько дней на пленуме ЦК КПСС:

– Я считаю, что у нас в партии не совсем правильно поняли решения XX съезда КПСС. Много тысяч людей освободили из заключения. Но там не только чистые были. Там и очень нечистые были – троцкисты, зиновьевцы, правые, всякая шваль. Теперь их тоже освободили. Некоторые из них восстановлены в партии. Восстановились и те, которые являются врагами нашей партии. Они сейчас болтают всякий вздор, а наши товарищи лапки сложили и держат нейтралитет. Это неправильно. Надо дать отпор таким людям: надо исключать из партии, если они будут проводить разлагающую работу в ней, надо арестовывать. Другого выхода нет... Надо крепить органы разведки{816}.

И репрессивная машина, никогда и не прекращавшая своих действий, стала набирать новые обороты. После 7 месяцев одиночки дали 3 года исправительно-трудовых работ Лазарянцу, его отца сняли с должности директора завода, а мать – с должности директора школы. Подождали, пока не исполнится 18 лет, и потом взяли и судили, приплюсовав ему в вину еще его вольные песенки кировчанина Чистякова{817}. На 2 года лагерей за стихи собственного сочинения осудили выпускника исторического факультета Ленинградского университета Александра Гидони{818}. 4 года лагерей получил студент Юрий Анохин за то, что читал на факультете журналистики Московского университета свои стихи: «Мадыары! Мадыары! Вы – братья мои, я с вами – ваш русский брат!..»{819}. На срок от 3 до 10 лет были осуждены все 9 участников ленинградской группы Голикова – Пустынцева{820}.

Подобное «пресечение», конечно, сыграло определенную роль. Публика, вроде бы, поутихла. Тем более что до конца года удалось расправиться с главным очагом недовольства – венгерским сопротивлением. Однако те немногие глотки свободы, что удалось вдохнуть в 1956 г., продолжали отравлять советское общество надеждами на более свободную и сытую жизнь. И излечить от них полностью уже было невозможно.